

и сделать теоретический вывод о тесном взаимодействии национального и интернационального начал в устной художественной прозе.

Развивая идею А. Н. Веселовского о двустороннем характере столкновения двух национальных традиций, Э. В. Померанцева рассмотрела сложные процессы взаимодействия сказок народов Поволжья и их отношения с русской сказочной традицией. Определяя место сказок в национальной культуре (огромные знания разностороннего фольклорного и этнографического материала дали возможность автору по достоинству оценить плодотворность идеи П. Г. Богатырева о необходимости изучения этнографических фактов с точки зрения их функций), она убедительно показала, что фольклор способствует сближению духовных культур разных народов и, таким образом, существенно влияет на этнические процессы.

Э. В. Померанцева одной из первых в русской советской фольклористике обратилась к мифологическим представлениям русского народа, широко отразившимся в так называемых быличках и бывальщинах. Тщательно собрав не только развернутые повествования о встречах человека с «нечистой силой», но и разные суждения и сведения о леших, домовых, русалках и пр., исследовательница выявила круг мифических образов, описала, как они предстают в видении народа в разных этнографических регионах России, и — что особенно ценно — наметила признаки, которые роднят и отличают персонажей сказочной прозы с персонажами сказок. Вывод о том, что одноименные мифические персонажи в сказках и мифологических сюжетах все-таки весьма сильно различаются, как нам кажется, еще недостаточно учитывается исследователями, извлекающими сведения о мифических существах из контекста произведений разных жанров и строящими свои гипотезы на этом разнородном материале.

Выводы о закономерностях функционирования фольклорных произведений, к которым Э. В. Померанцева пришла на материале сказок, другими советскими учеными примерно в то же время были сделаны на материале иных жанров. Понимание диалектического единства противоречивых тенденций (стабильности и вариативности, коллективного и индивидуального, национального и интернационального начал) стало в советской фольклористике общепринятым. Такое понимание способствовало и, можно с уверенностью сказать, будет способствовать и в дальнейшем более глубокому изучению истории отдельных жанров и всего фольклора в целом. Диалектическое развитие сказок раскрывается авторами, пользующимися иной методикой, — это лучшее подтверждение положения Э. В. Померанцевой о том, что сказки сохранились до наших дней благодаря их постоянному развитию.

Даже этот беглый перечень наиболее важных аспектов научного наследия Э. В. Померанцевой говорит о том, что автор работ, представленных в сборнике «Русская устная проза», принадлежит к числу ученых, заложивших теоретическую базу советской фольклористики.

Б. П. Керелите

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Фернан Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное/Перевод Куббеля Л. Е. Вступит. статья и ред. Афанасьева Ю. Н. М., 1986. 622 с.

Появление на русском языке первого из трех томов капитального труда выдающегося французского историка Фернана Броделя — заметное и отрадное событие в нашей интеллектуальной жизни. Советский читатель получает возможность познакомиться с одним из крупных достижений французской исторической школы нашего времени, которая, вне сомнения, представляет собой влиятельнейшее направление в зарубежной немарксистской историографии. Достаточно напомнить, что ее основатели — великие французские историки первой половины века Марк Блок и Люсьен Февр, последователем и продолжателем дела которых (в особенности Февра) и был Бродель. После Февра (скончавшегося в 1956 г.) Бродель занимал главенствующее положение в исторической науке и, более того, собственно, во всей сфере гуманитарного знания во Франции. Это положение определялось его высоким научным авторитетом, его капитальными трудами, во многом наложившими отпечаток на стратегию научных исследований в области истории в этой стране и далеко за ее пределами. Его книга «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»¹ вскоре после ее выхода в 1949 г. сделалась классикой историографии. Ряд теоретических и методологических положений, сформулированных Броделем, обнаружил значительную плодотворность в трудах его последователей и учеников.

Таким образом, издательством «Прогресс» выбрана для перевода не случайная книга, а своего рода эталон научного исследования в области истории, и этот выбор нужно приветствовать. В обстоятельной и интересной вступительной статье Ю. Н. Афанасьева даны всесторонний анализ и оценка всего творчества Броделя, а также и переведенного первого тома (два других готовятся к изданию), и я не нахожу ничего

¹ Braudel F. La Méditerranée et la Monde méditerranéen de Philippe II. P., 1949.

лучшего, как отослать читателя к этому введению для ориентации в творчестве скончавшегося в 1985 г. патриарха французской историографии.

Читатель «Советской этнографии» вправе задать вопрос: каково отражение в труде Броделя тех сторон исторической жизни, которыми занимается этнография? Преимущественно под этим углом зрения мне и хотелось бы рассмотреть первый том, возможно, более близкий по содержанию к этим сюжетам. Ибо как раз в первом томе в центре внимания ученого «структуры повседневности», та бытовая сторона жизни, в которой яснее всего проявляются традиции, обычаи, национальные и иные стереотипы поведения. В самом деле, большинство из восьми глав тома посвящено бесспорно этнографическим темам: народонаселение и его флюктуации на протяжении указанного в заглавии периода (гл. 1), его питание (гл. 2 и 3), такие бытовые аспекты жизни, как жилой дом, интерьер и костюм (гл. 4), город с его населением и локальным своеобразием, процессы урбанизации (гл. 8). Но и остальные главы — о состоянии техники и революции в ней (гл. 5 и 6) и денежного обращения (гл. 7) — также отнюдь не чужды этнографии. Все аспекты повседневной жизни человека в мире переходной эпохи от средневековья к новому времени рассмотрены Броделем на основе огромнейшего, разнообразнейшего материала, львиная доля которого извлечена ученым из архивов и впервые представлена специалистам и другим читателям. Уже в том, что Бродель поднял целый пласт новых источников, заключается его большой научный подвиг.

Неотъемлемой частью книги, существенно помогающей понять ее содержание, служат графики, схемы и карты, которые, как и иллюстрации, позволяют визуально приблизиться к человеку и его окружению. Наконец, необходимо отметить высокое качество перевода, осуществленного Л. Е. Куббелем: изящество стиля ученого — неотъемлемая черта всех лучших произведений французских историков — адекватно передано в переводе.

Как видно уже из беглого перечня тем, рассматриваемых в книге, в центре внимания автора — явления и структуры, подверженные по большей части медленным изменениям, происходящим исподволь и заметным лишь при изучении их в большой временной протяженности, в той самой *longue durée*, понятие которой было введено в историческое исследование тем же Броделем и в немалой степени обогатило современную историческую мысль (об ограничениях, которые здесь существенно было бы внести, см. вступительную статью). Бродель развертывает широчайшую панораму повседневной жизни мира в указанную переходную эпоху, ее медленное, порой незаметное движение, прерывающееся время от времени и в определенных точках более быстрыми перепадами и катаклизмами. Каковы соотношения и связь этого бытового пласта исторической действительности со сменой и развитием социально-экономических структур (формаций, как сказали бы марксисты, — понятие, которое Броделю чуждо)? Об этом мы надеемся узнать из последующих томов². Пока же хотелось бы поставить другой вопрос, более непосредственно относящийся к содержанию первого тома: каким образом в «структурах повседневности», которые определяли, по мысли Броделя, то, что было возможно для человека и общества, и то, что оставалось за пределами их возможностей, проявлялись поведение человека, структура его личности, потенции ее обнаружения? Мне думается, что быт представляет интерес как раз в этом плане — плане социально-психологическом.

Иначе говоря, возможно ли от внешних проявлений, деталей, аксессуаров быта, от всего неисчислимо богатого анализа «структур повседневности» перейти к пониманию личности, внутреннего ее ядра и ее отношения к другим личностям? Вот в чем, мне кажется, заключается главный вопрос.

Возьмем один пример. Изучая то, как питалось население Европы в XVI—XVIII вв., Бродель уделяет немалое внимание среди других вопросов также и сервировке стола и застольным манерам и приводит интересный конкретный материал. Мы узнаем, что ели европейцы, как ели, как приготавливалась и подавалась на стол пища, каков был рацион знати и простоародья и многое другое; при чтении некоторых страниц его образной и насыщенной фактами прозы «слюнки текут»; в других случаях современный читатель скорее подивится вульгарности и нецивилизованности тогдашних гурманов. Вот, скажем, судьба вилки. Старинным инструментом была большая двузубая вилка, которой пользовались при приготовлении блюд, и ею же подавали мясо гостям. Но вилка столовая, индивидуальная, восходит, по наблюдению автора, «в общем, к XVI веку», причем на протяжении долгого времени к ней либо относились с предубеждением, либо неумело ею пользовались; так было и во времена Монтеня, и еще при дворе Людовика XIV — держать мясо пальцами было удобнее и привычней; отсюда необходимость салфеток и послеобеденного омовения рук (см. с. 222—224, ср. с. 40 и др.).

Или другой пример, Бродель собрал огромный фактический материал, характеризующий жилищные условия, интерьер, устройство и обстановку домов людей разных стран в изучаемый период. Понимание комфорта, естественно, отличалось от нынешнего. В частности, тогдашний человек практически почти вовсе не имел возможности уединиться, обособиться от ближних: общие спальни для людей обоего пола и даже кровати, в которых спали по двое и по трое (как и общие для обоих полов бани); от детей не были скрыты даже сексуальные отправления взрослых; примитивные, на наш взгляд, санитарно-гигиенические условия... Удовольствуется ли современный историк высокомерным соображением, что те люди стояли в своем развитии «на более низкой ступени», нежели мы? Разумеется, всегда интересно узнать, как люди жили в далеком прошлом. Но хотелось бы вдуматься в смысл, таившийся за их бытом.

² Постановкой этого вопроса открывается недавно появившаяся книга советского историка-античника Г. С. Кнабе «Древний Рим — история и повседневность» (М., 1986).

И здесь вспоминается другая книга, пережившая своего рода «бум» в науке почти одновременно с книгой Броделя (хотя написанная намного ранее), — книга немецкого социолога и историка Норберта Элиаса «О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования»³. Кстати, Элиас принадлежит к тому же поколению, что и Бродель.

Элиас связывает изменения в способах бытового поведения западноевропейцев, происходившие в те же столетия, которые рассматривает Бродель, со сдвигами в строе человеческой личности. Анализ стандартов поведения, норм и барьеров стыдливости и т. п., открывающихся именно в быте, указывает путь к познанию тех психических процессов, в которых находят невольное выражение самосознание и самоощущение человеческой личности. «Цивилизация», по Элиасу, есть прежде всего процесс установления индивидом контроля над своей эмоциональной жизнью и обуздания аффектов, процесс, который происходил в обстановке перестройки социальных отношений и структуры общества. Элиас специально останавливается на застольных манерах, но они его занимают не сами по себе. В том, что люди средних веков и начала нового времени ели преимущественно руками или с помощью ножа, вынимая мясо из общей миски и нередко возвращая в нее недоеденные куски или обглоданные кости, пили вино или пиво из обходившего стол кубка, не обтирая при этом губ, а суп хлебали из одного горшка, проявляется вовсе не их невоспитанность, а нечто глубокое, запятанное в структуре человеческой личности.

В контексте подобного анализа столовая вилка перестает быть только предметом обихода, который медленно и с трудом внедрялся в европейский быт, и приобретает значение некоего индикатора ментального хабитуса европейца XVI в. Элиас показывает, как новые манеры, возникавшие в аристократическом кругу и служившие знаком куртуазности и престижа, распространялись в более широкой среде, в частности буржуазной. Изменение привычек и моделей поведения диктовалось не рациональными соображениями (гигиеническими и т. п.), а причинами социальными и социально-психологическими. Эмоциональная жизнь в тот период была структурирована на свой лад, и в то время не существовало «невидимой стены аффектов, отделяющей одно человеческое тело от другого»⁴. Потребность в «приватизации» и «интимизации» естественных отправлениях человека — продукт исторического развития, и в начале этого периода еще отсутствовали те четкие грани между индивидами, которые постепенно воздвигаются к концу его. И точно так же констатация особенностей жилья, в частности отсутствия возможности уединения для индивида, — ценное с точки зрения исследователя социально-исторической психологии свидетельство самоощущения человека, который, по-видимому, не испытал неодолимой тяги к тому, чтобы остаться наедине с самим собой. Иной быт — показатель иной структуры человеческой индивидуальности и иной структуры межличных отношений.

Таким образом, оказывается, что от «структур повседневности» возможен переход к структурам личности. Иными словами, возможно, а следовательно, необходимо углубление проблематики исследования от уровня феноменологического описания быта к уровню культур — антропологическому, на котором в центре внимания стоит человек в своей исторической конкретности. Его быт, вся его повседневная жизнь бросают свой отсвет на него и в свою очередь оживают и обретают целостный смысл в зависимости от внутренней структуры личности.

Этого шага Бродель не делает. Читатель повергнут в известное недоумение. Дело в том, что план анализа, о котором сейчас шла речь, теснейшим образом связан с изучением ментальностей, т. е. с вторжением в «заповедное поле» школы «Анналов», возглавлявшейся после смерти Февра самим Броделем. Как объяснить то, что метр не прибег к тому самому методу, которому следуют ныне многочисленные историки этого направления и которому следовал его учитель Февр? Пафос работ Э. Леруа Ладюри, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби и других ученых, при всем индивидуальном своеобразии каждого из них, заключается в том, чтобы за жизненным разнообразием внешних фактов разглядеть потаенные, невыговоренные структуры сознания и обусловленного им поведения людей. Подобного пафоса не чувствуется в рецензируемом труде. Я не готов объяснить этот парадокс, но не могу не припомнить того, что в последний период своего творчества Бродель, оставаясь членом директората «Анналов», отвернулся от журнала, заявив, что он стал ему чуждым, и произошло это именно в тот период, когда группирующиеся вокруг «Анналов» ученые со все большей интенсивностью и результативностью стали разрабатывать ментальную историко-психологическую тематику⁵.

«Монблан фактов» наличие, фактов разнообразных, интересных, организованных для демонстрации процесса постепенного накопления того нового в мире, что в конце концов привело к созданию материальной цивилизации капитализма. Но, видимо, рискованно до конца разрывать изучение цивилизации и культуры, материи и духа, быта и человеческой личности. Рискованно, ибо в реальной истории они были соотнесены, сплетены, являли собой разные ипостаси противоречивого и многоликого целого. Как справедливо пишет Бродель, материальная жизнь — «это люди и вещи, вещи и люди» (с. 41). Но поведение людей невозможно объяснить при посредстве самой широкой

³ Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt am Main, 1981—1982. Bd. 1—2 (книга впервые издана в 1936 г., однако стала пользоваться известностью и признанием лишь в 60-е годы).

⁴ Ibid. Bd. I. S. 89.

⁵ См. мою статью «Этнология и история в современной французской медиэвистике» (Сов. этнография, 1984, № 5).

демонстрации вещей, их окружающих и ими созданных. Силы инерции, действовавшие в переходном обществе XV—XVIII вв. («невозможное»), — это не только внешние факторы, на которые наталкивались люди в своей деятельности, это и силы инерции, таившиеся в самом человеке. Не существенно ли это дополнение как при анализе мира, каким он был три — пять столетий назад, так и при попытке понять наш собственный мир?

А. Я. Гуревич

В. А. Житомирский. *Апартеид по-британски.* М.: Мысль, 1985, 240 с., ил.

Расизм становится все более острой проблемой в странах Западной Европы, и в частности в Великобритании. Сообщения о различных фактах дискриминации «цветных» в этой стране, об их выступлениях против эксплуатации, преследований, надругательства над их национальным и человеческим достоинством в последние годы практически непрерывно появляются в британской прессе, в средствах массовой информации многих стран мира. Осветить различные аспекты положения этих парней «демократического» британского общества — такую цель поставил перед собой В. А. Житомирский в рецензируемой книге. Автор — журналист-публицист, и свою задачу он решает в присущей ему профессиональной манере. И тем не менее я беру на себя смелость утверждать, что по уровню разработанности материала, по серьезности освещения многих вопросов книга вполне может быть отнесена к категории публицистических исследований, имеющих и научное значение.

В. А. Житомирский идет от факта — выразительного, эмоционально окрашенного, но всегда убедительного именно своей характерностью, типичностью, достоверностью (кстати, в отличие от многих книг такого рода большая часть здесь приводимой информации — цифры, описания тех или иных случаев, ситуаций, цитаты и т. п. — строго документирована, имеет отсылки на источники). Но автор никогда не останавливается на «голом» факте, на картинах жизни тех обездоленных людей, о которых, в защиту которых он написал свою книгу. В. Житомирский далек от фотографического изображения их жизни и борьбы, он постоянно стремится (и по большей части это ему удается) к развернуто-аналитической характеристике ситуации, прослеживая ее в развитии, вскрывая явные и скрытые факторы, определяющие нынешнее положение; он показывает и оценивает расстановку политических и классовых сил в стране в связи с проблемой «цветных», проблемой расизма вообще.

Проблема эта, отмечает автор, со взрывной силой давшая о себе знать в 80-е годы, имеет в Великобритании давние и глубокие корни. Ее истоки — в тех временах, когда Лондон управлял громадными колониальными и полуколониальными территориями с сотнями миллионов подвластных ему людей. Транспарант со словами: «Мы здесь, потому что вы были там», который несли «цветные» иммигранты на одной из демонстраций в Лондоне, четко указывает на связь нынешнего положения этих людей с тяжелой колониальной судьбой их отечеств. Беспощадная эксплуатация колоний в прошлом, неоклониальная империалистическая эксплуатация развивающихся стран в современную эпоху обусловила их отсталость, нищету значительной части населения этих стран, многие из которых относятся к беднейшим в мире. Неразвитость их экономики — главная причина постоянного наличия здесь избыточной рабочей силы, иными словами, громадной армии безработных. Эти люди и стали объектом вербовки, когда британским монополиям понадобились дешевые рабочие руки во время экономического бума 50-х — начала 60-х годов. Сотни тысяч жителей Индостана, карибских и африканских стран стали строителями, грузчиками, мусорщиками, санитарами, чернорабочими на транспорте и в ночных сменах заводов и фабрик. Они трудились там, где тяжело и грязно, т. е. на таких работах, куда не хотели идти коренные англичане. Своим трудом они внесли ощутимый вклад в послевоенное развитие бывшей метрополии, так же как эксплуатация многих поколений их предков обусловила процветание капиталистической Британии в колониальные времена, отмечает автор книги.

Изменение экономической конъюнктуры в 60-е годы стало главной причиной поворота в иммиграционной политике британского правительства. Анализируя законодательство об иммигрантах и о праве на британское гражданство, В. А. Житомирский показывает, как оно все более обретало расистскую окраску (законы 1914, 1948, 1962, 1971, 1982 гг.).

«Цветных» все меньше «допускают» в Великобританию (даже если их деды и отцы десятилетиями жили и имели британский паспорт), все чаще под любыми предлогами выдворяют оттуда. За этой краткой констатирующей фразой тысячи разбитых судеб, разделенных семей. Автор показывает, что нарушение права на создание и сохранение семьи стало обычной практикой британских властей, когда речь идет о «цветных». Множество циркуляров и правил, которыми полицейские и иммиграционные власти манипулируют по своему усмотрению, позволяют делать это на «законном» основании (главы «„Гуманисты“ из иммиграционной службы», «„Кошмар“ бюрократических сложностей»).

Каково же положение тех небелых жителей страны, которым разрешено здесь оставаться? В 1982 г. их было 2,3 млн. человек, в том числе более 600 тыс. из стран Карибского бассейна, 430 тыс. из Индии, 240 тыс. из Пакистана, 50 тыс. из Бангладеш, около 300 тыс. из Африки, столько же из других регионов (с. 23). В книге убедительно показано, что они подвергаются дискриминации буквально во всех областях жизни: на рынке труда (с. 57—79) и др.), в системе образования (с. 93—101), здравоохра-